

Сунь Жолань сегодня не дежурила. Будучи девушкой свободной и всегда открытой для новых знакомств, она жила в учительском общежитии неподалёку от Третьей средней школы Жунчэна. Одинокая жизнь в пустой квартире наложила свой отпечаток: Жолань завела немецкую овчарку. Пёс вырос отличным защитником, но уж больно грозным — прохожие шарахались от него как от чумы. Днём с таким зверем особо не погуляешь, так что выгуливать его приходилось глубокой ночью, когда улицы пустели.

Пёсий нюх не подвёл — учуяв след, овчарка уверенно потащила хозяйку в нужную сторону. Чем там так пахло, Сунь Жолань понятия не имела. Но каково же было её удивление, когда у забора она наткнулась на целую вереницу знакомых лиц, по очереди перелезающих через кирпичную кладку.

Увидеть здесь Вань Цзиньцяня было делом привычным, а вот появление Чжао Хаочэна повергло её в шок — лучший ученик параллели, гордость школы, и занимается подобным непотребством! Как педагог, всей душой радеющий за юные таланты, Жолань уже подумывала спустить всё на тормозах и замять дело. Но тут Цзиньцянь, неуклюже сползая с забора, наступил ей прямо на плечо.

Чаша терпения переполнилась. Гнев вспыхнул мгновенно.

— Вань Цзиньцянь, ну-ка встань смирно! — ледяным тоном скомандовала она, а затем ткнула пальцем в сторону остальных: — А вы чего разлеглись? Быстро поднялись!

Парни нехотя зашевелились. Цао Гэнвэй, сгорая от неловкости, кое-как поднялся на ноги и стыдливо прижался спиной к кирпичной кладке, пряча глаза.

«Ну и невезенье, — мысленно сокрушались беглецы. — На ровном месте споткнулись. Идеальный план коту под хвост, и всё из-за какой-то шавки! Правду говорят: не было бы собаки — не было бы проблем».

Картина со стороны выглядела весьма колоритно: молодая женщина, а за её спиной — шеренга долговязых старшеклассников в самый разгар пубертата. Любой случайный прохожий точно свернул бы шею от любопытства.

Переведя дух, Вань Цзиньцянь решился на отчаянный шаг. Пора было пускать в ход тяжёлую артиллерию — очаровать Жолань.

— Учитель Сунь... — заговорил он, мгновенно сменив тон на вкрадчивый и приторно-сладкий. — Мы ведь совершенно случайно перелезли. И так же случайно встретили вас! На самом деле мы побежали в библиотеку, чтобы подтянуть учёбу... Честно-честно!

Голосок его так и сочился фальшивым кокетством.

Столпившиеся у стены парни синхронно лишились дара речи.

— Слышь, это точно наш Цзиньцянь? — шёпотом выдавил один.

— Вроде он... Но у меня ощущение, что у него кукуха поехала.

— Да уж, открылись бездны, о которых мы и не подозревали.

Цзиньцянь рассуждал просто: если парни без ума от кокетливых стерв, то и на девчонок должен безотказно действовать образ нежного, капризного мальчика. Самого его от собственных речей едва не вывернуло наизнанку, но искусство требует жертв. Процесс мучителен, как роды, зато результат должен быть ошеломительным.

Вот только он не учёл одного фактора. Перед ним стояла Сунь Жолань. А она не зря так долго ходила в девках — и дело было вовсе не во внешности, росте или работе.

Она была непрошибаемо прямолинейной. Настоящий эталон суровой практичности.

Она мгновенно посуровела.

— Разговаривай нормально, Вань Цзиньцянь, — оборвала она его словесный сироп и натянула поводок.

Овчарка тут же выдала свирепый лай, словно поддакивая хозяйке.

«Мать твою за ногу...» — похолодел Цзиньцянь. Такая зверюга за один укус ползадницы отхватит и не поморщится. Умный в гору не пойдёт, умный гору обойдёт — если тактика соблазнения провалилась, пора переходить к деловым переговорам.

— Э-э, учитель Сунь, — уже нормальным голосом заговорил он. — А может... решим вопрос любовно? Без протокола?

В конце концов, рабочий день давно закончился. Вне школы они друг другу жизнь не портили, так почему бы не разойтись по-хорошему, как добрые приятели?

— Ещё чего! — отрезала Жолань. Профессиональный долг образцового педагога не позволял ей закрывать глаза на такие безобразия. Раз уж поймала с поличным — держи ответ по всей строгости.

Цзиньцянь незаметно махнул рукой оставшейся банде. Цао Гэнвэй, переглянувшись с учительницей, скрепя сердце поднялся первым. Остальные последовали его примеру, плотным

кольцом обступив Жолань. Атмосфера накалилась — казалось, ещё секунда, и начнётся заварушка.

— Вы... вы что это удумали? — насторожилась Жолань, глядя на возвышающихся над ней верзил.

Овчарка зарычала, натянув поводок как струну. Пёс скалил зубы, готовый по первому слову хозяйки вцепиться наглецам в глотки и разорвать их на куски.

— Учитель! — взмолился Цзиньцянь, состроив самую несчастную мину. — Ну проявите великодушие! Поймите и простите дураков на первый раз! Обещаем, больше ни-ни. Век помнить будем вашу доброту!

Один в поле не воин, поэтому к мольбам тут же подключился весь хор голодранцев. Парни окружили Жолань и наперебой, с надрывом начали каяться в грехах. И только Чжао Хаочэн остался в стороне от этого балагана.

У Хаочэна к тому времени окончательно затекли ноги. Оценив масштаб трагедии, он понял, что представление затянется, поэтому не стал мучиться и просто уселся прямо на грязную землю у стены.

— Так, что тут происходит? — раздался строгий мужской голос, и в лицо парням ударил слепящий луч фонаря. — Гражданка, у вас какие-то проблемы? К вам пристают? — поинтересовался подошедший патрульный.

Оно и понятно: перед стражами порядка предстала классическая банда малолетних оболтусов. И ладно бы просто школьники, но брюки их форменных костюмов были ушиты до неприличия — у одного только Цзиньцяня штанины сидели более-менее пристойно, а вот Гэнвэй обтянул свои окорока так, что они едва не трещали по швам. Прибавьте к этому зализанные назад пижонские причёски — вылитые гопники местного разлива, только куполов на груди не хватает. Когда подобная орава зажимает в тёмном переулке одинокую женщину, на ум приходят исключительно нехорошие мысли. Профессиональное чутьё полицейского так и вопило о назревающем криминале.

— Вовсе нет, — ледяным тоном отозвалась Жолань, моментально включив режим сурового завуча. — Это мои ученики. Провожу с ними воспитательную беседу.

— Гражданка, если вам угрожают, просто кивните, — не поверил полицейский, демонстративно положив руку на кобуру и предъявляя служебное удостоверение. — Мы гарантируем вашу безопасность. Ни один из этих хулиганов уйти не успеет.

Цзиньцянь прислушался к голосу патрульного. Где-то он его уже слышал...

— Опа, брат Чжан? — осторожно позвал он.

Новоиспечённый лейтенант Чжан только-только окончил школу милиции и обжился в местном отделении. В прошлый раз, когда их пути пересеклись с Цзиньцянем, у парня было первое ночное дежурство. Теперь же — первый самостоятельный патруль. Судьба — штука невероятно ироничная.

— Вань Цзиньцянь? — удивился милиционер.

Этого наглого сорванца он запомнил на всю жизнь. Ещё бы: завалиться в участок и прямо там, на глазах у дежурных, начать отбивать чужую девчонку, да ещё и с таким праведным видом качать права! Настоящее покушение на общественную мораль. Чжан тогда долго качал головой, размышляя о деградации подрастающего поколения, и вот — старые знакомые снова в сборе.

— Брат Чжан, родненький, он самый! — обрадовался Цзиньцянь так, словно встретил родного отца.

Серьёзное задержание мгновенно превратилось в семейные посиделки. Как там в стихах поётся? «Поднимешь взор — сияет высь, опустишь — земляки нашлись». Чжан пригляделся повнимательнее и заметил притаившегося в сторонке отличника.

— О, и Хаочэн тут!

— И мы! — хором отозвались из темноты Цао Гэнвэй и Сун Ян.

Сунь Жолань и напарник Чжана ошалело переводили взгляд с одного на другого, совершенно потеряв нить происходящего.

— Это твой родственник? — недоумённо уточнила учительница.

— Да нет, учитель Сунь, тут долгая история, — смущённо кашлянул Цзиньцянь.

Кое-как объяснив ситуацию, Цзиньцянь на прощание вытащил телефон.

— Брат Чжан, давай в мессенджере спишемся? Как тебя записать?

— Чжан Хуайминь. «Хуай» — как в мечтах, «Минь» — как в служении народу, — с достоинством ответил милиционер.

Цзиньцянь с размаху хлопнул себя по бедру:

— Сильно! Настоящее имя для героя. Брат Хуайминь, давай, держись там! Мы в тебя верим!

В душе каждого мальчишки живёт благоговейный трепет перед романтикой сыска и защитой слабых. Всем им когда-то хотелось совершить подвиг, и банда Цзиньцяня не была исключением.

— Так, орлы, — прервала Жолань их патриотические излияния, забирая инициативу в свои руки. — Чёрт с вами, замяли. Но у меня есть одно условие.

В педагогических интригах ей не было равных. За годы работы в Третьей средней школе Жунчэна она повидала столько трудных подростков и наставила их на путь истинный, что её портрет давно заслужил почётное место на доске почёта.

— Какое условие? — послушно притих Цзиньцянь.

— На следующей ежемесячной контрольной ты должен подняться в рейтинге. Плевать на сколько мест, хоть на одно, но чтобы я больше не видела тебя на самом дне списка! Дай ты уже кому-нибудь другому побыть худшим, твоя стабильность меня просто пугает, — сокрушённо вздохнула Жолань. — И вас это тоже касается, — добавила она, строго зыркнув на Гэнвэя и компанию. — Жду от всех прогресса.

Когда же её палец упёрся в тихо сидящего у стены Чжао Хаочэна, она осеклась. Какие слова подобрать для круглого отличника? Потребовать «прогресса»? Куда ему ещё расти? В кресло директора школы сесть?

Она до сих пор не могла поверить своим глазам. Когда этот тихоня спускался по кирпичам, Жолань даже протёрла очки — думала, померещилось. Оказалось, первый ученик школы скачет по заборам не хуже профессионального паркурщика.

— Чжао Хаочэн, — позвала она парня. — Подойди-ка сюда.

Учительница отвела его в сторонку, под сень раскидистого дерева, для конфиденциальной беседы.

Цзиньцянь хоть и не слышал разговора, но мог дословно воспроизвести каждую фразу. Он и сам в прошлой жизни побывал в шкуре гения, так что этот репертуар знал назубок:

«Хаочэн, ты же надежда школы, зачем ты связался с этой шпаной?»

«У тебя впереди блестящее будущее, а эти лоботрясы утянут тебя на дно».

«С кем поведёшься, от того и наберёшься. Неужели ты не понимаешь, кто такой этот Вань

Цзиньцянь? Подумай о своей репутации!»

И всё в таком духе.

Когда Хаочэн вернулся, на нём лица не было. Он угрюмо молчал, не проронив ни звука. Делать нечего — раз уж договорились не афишировать ночную вылазку, возвращаться пришлось тем же путём. С забора ушли — на забор и вернулись. Как залезли, так и слезли.

Обратная дорога в общежитие прошла в гробовом молчании. Уходили — герои, гроза ночных улиц, а возвращались — побитые собаки, по уши увязшие в экзистенциальной тоске.

Ультиматум учительницы дамокловым мечом навис над компанией. Для парней, чья успеваемость годами напоминала глухую кардиограмму покойника на самом дне рейтинга, требование «показать прогресс» казалось невыполнимой миссией. У них не было ни базы, ни желания грызть гранит науки, а уж об экзаменационных лайфаках они и подавно не слышали. Полный ноль по всем фронтам.

Цзиньцяню было паршивее всех. Какое унижение — низвергнуться с заоблачных высот Бога учебы в самое грязное болото! Когда-то он был Богом учебы, перед которым преклонялись тысячи, а теперь провинциальная учительница жалостливо просит: «Ну продвись хоть на строчку вверх, Христа ради, перестань стабильно позорить класс».

Просто издевательство какое-то.

Можно сомневаться в его манерах, в его характере, но подвергать сомнению его умственные способности? Жаль только, что у этого учебного шлака в зачётке красовались одни жирные двойки.

Цзиньцянь тяжело вздохнул. Ладно, плевать на гордость, баллы Системы сами себя не заработают.

В постели он никак не мог успокоиться. Ворочался с боку на бок, словно карась на раскалённой сковороде, безуспешно пытаюсь улечься поудобнее.

Его задело за живое. Под маской учебного шлака скрывался разум великого учёного, а его ткнули носом в грязь, как паршивого щенка. Слова Жолань горели на щеках невидимыми пощёчинами.

Удивительное дело: то, что кажется пустяком при свете дня, под покровом ночи разрастается до размеров вселенской катастрофы.

В конце концов он в ярости отбросил одеяло и прошипел в темноту:

— Мать вашу... Если на следующей контрольной я опять буду последним в списке, то надену бабское платье, сяду на ржавый трёхколёсный велик и лично намотаю три круга по стадиону Третьей средней школы Жунчэна!

Он просто выпускал пар, не рассчитывая на ответ, но из соседнего угла внезапно раздалось тихое, скрипучее:

— Ловлю на слове.

Хаочэн не спал по вполне прозаичной причине — у него нещадно ныло всё тело. Туша Цзиньцяня, рухнувшая на него с дерева, оставила неизгладимый след в районе поясницы и некоторых более деликатных мест.

Но куда сильнее физических травм его ранили слова классной руководительницы. Они застряли в горле костлявой рыбьей чешуйкой, лишая сна и не давая покоя до самого рассвета.

<http://bllate.org/book/20139/2161455>